

«Две культуры» и экономическая история¹

Трейси Деннисон

The ‘Two Cultures’ and Economic History

Tracy Dennison (California Institute of Technology, USA)

Первая работа, которую я задаю студентам-гуманитариям на первом курсе – это эссе Чарльза Перси Сноу «Две культуры», которое он подготовил на основе своей публичной лекции (the Rede Lecture), прочитанной в Кембриджском университете в 1959 г.² Сноу - ставший крупным писателем физик - выражал в ней озабоченность нарастающим непониманием между «учёными» (к ним он относил исследователей, занимающихся точными и естественнонаучными дисциплинами), и «гуманитариями». По его мнению, к середине XX столетия сформировались две различные культуры – культура «науки» и культура «гуманизма», причем представители каждой из них воспитываются в духе безразличия к достижениям другой. Так, «учёные» ничего не знают о литературе, – скажем, англоязычные инженеры не считают зазорным признаться в том, что не читали Шекспира. В свою очередь, подавляющее большинство «гуманитариев» не в состоянии объяснить, в чём заключается второй закон термодинамики. Однако, когда Сноу начинал говорить об этом культурном расколе с университетскими коллегами, он

¹ Статья подготовлена на основе почётного доклада на рабочем семинаре «Осмысление экономического развития Восточной Европы», который проходил 2-3 сентября 2016 года в Москве на базе Научно-исследовательского университета Высшей школы экономики в рамках международной инициативы WEast. Более подробная информация о прошедшем семинаре доступна по ссылке <http://weast.info/archive/17-weast-moscow-2016>.

² Сноу, Ч.П. 1973. *Две культуры*. Москва: Прогресс.

сталкивался с отсутствием интереса с их стороны, поскольку представители обеих культур недоумевали, почему от них ожидают стремления понять друг друга.

В то же время, сам Сноу не сомневался, что существует очень веская причина для установления взаимопонимания между двумя культурами. Для решения наиболее острой проблемы современности, по его мнению, требуются возможности обеих культур. Этой проблемой он считал настоятельную необходимость повысить уровень жизни в наиболее бедных обществах современного мира. Путь к решению этой проблемы Сноу видел – что не удивительно, принимая во внимание время написания эссе – в обеспечении всеобщего доступа к современным технологиям, иначе говоря, в том, чтобы принести плоды индустриальной революции в развивающиеся страны. Но для того, чтобы лучше понимать социальный контекст технологических изменений, «учёным», как он считал, необходимо овладеть достижениями «гуманитариев». Как современные технологии будут работать в том или ином социальном и культурном контексте? Как различные сообщества реагировали на перемены в прошлом? Можно ли предвидеть социальные последствия этих перемен? Сноу призывал своих коллег-гуманитариев не отвергать сходу оптимизм «учёных» по поводу решения проблем современного мира, а приложить усилия для знакомства с достижениями естественных наук и возможными способами их применения. Таким образом, обеим сторонам следует работать сообща, поскольку обе культуры в основе своей озабочены одной задачей: пониманием и улучшением мира, в котором мы живём. Они лишь подходят к её решению с разных сторон и используют для этого разные средства.

Вариантом проблемы коммуникации между представителями естественных и гуманитарных дисциплин можно считать сложившуюся в

настоящее время пропасть между культурой экономистов и культурой историков. На протяжении всей своей исследовательской карьеры я – историк по образованию и экономический историк по дисциплинарной принадлежности - пытаюсь балансировать на обоих краях этой пропасти, постоянно рискуя сорваться.

Эти две культуры во многом похожи на две культуры, о которых писал Сноу. На протяжении нескольких последних десятилетий разрыв между ними неизменно растет. Однако мне кажется, что обе стороны, в отличие от «учёных» и «гуманитариев» Сноу, отнюдь не безразличны к взаимному непониманию. Стоит представителям двух дисциплин непосредственно пообщаться друг с другом, их разговор неизменно заходит о том, что нынешняя ситуация, когда исследовательские программы экономистов и историков практически не пересекаются, достойна всяческого сожаления.

Как и в случае «учёных» и «гуманитариев», экономистам и историкам есть, чему поучиться друг у друга; им нужно объединиться для поиска путей решения всё той же «самой неотложной задачи нашего времени» - стимулирования экономического развития и роста, а также повышения уровня жизни беднейших жителей планеты. Я не хочу сказать, что на ее решение направлены или должны быть направлены исследования всех экономистов или историков. Скорее, наши усилия могут создать условия для лучшего понимания этой задачи и путей ее решения. Разумеется, при этом у каждого исследователя будет своя исследовательская программа. Проблема заключается не в разнородности тем, которыми занимаются экономисты и историки, а скорее в том, что по мере изучения этих тем угасает «межкультурный» диалог между ними. Развитие клиометрических методов сместило внимание экономических историков с собственно истории на

методологию. В свою очередь, историки в целом сдали свои позиции по части общих теорий исторического развития, возможно, реагируя на выход из моды марксистских построений (что может объяснить и ослабление интереса к «материалистской» истории). Обе дисциплины культивируют и поощряют принципиально различные подходы; отличаются и ориентиры для успешных публикаций, причем мест, где можно опубликовать совместные исследования представителей «двух культур», остаётся всё меньше.

Все эти препятствия для междисциплинарного диалога объективны. Однако они не являются непреодолимыми. И хотя было бы наивно считать, что лежащий в их основе институциональный сдвиг легко переломить, я полагаю, что всё ещё сохраняются концептуальные основы, в рамках которых могут быть одновременно задействованы исследователи обеих «культур». Все мы – экономисты и историки – можем делать больше, чтобы наши работы были доступнее друг другу; предлагать более общую концептуальную основу для продуктивной дискуссии и активно её поддерживать. Всё это могло бы сделать экономическую историю более привлекательной для классических историков, которые явно не баловали её в последние годы своим вниманием.

При благоприятных обстоятельствах возможности одной дисциплины расширяют возможности другой. Одна даёт дополнительную информацию другой и помогает ставить более точные, лучше соответствующие объекту исследования вопросы. Так, экономист мог бы поставить вопрос об экономической природе того или иного социального института. Скажем, почему женщины в некоторых средневековых обществах выходили замуж в раннем возрасте, тогда как в других были приняты поздние браки? Гипотеза экономиста в этом случае могла бы состоять в том, что бóльшие возможности на рынке труда имелись у женщин как раз в тех сообществах, в

которых предпочитали поздние браки (предполагается, что женщины вынуждены отказываться от заработка в период беременности). В то же время, обзор исторической литературы, посвящённой женскому труду, поставил бы экономиста перед фактом, что женщины – и замужние, и незамужние – в большинстве обществ средневековья были крайне активны на рынке труда, причем не выходили замуж или делали это позднее других наиболее бедные из них. Тогда экономист, по-видимому, уточнил бы свою гипотезу, и постарался бы учесть разновидности труда, доступного в разных обществах женщинам в зависимости от их матримониального статуса, устройство рынка труда в различных областях и странах и прочие факторы, влиявшие на демографическое поведение. Экономический анализ мог бы показать, что некоторые из этих факторов сильнее влияли на демографическое поведение в аграрных обществах по сравнению с раннеиндустриальными. Этот результат, в свою очередь, может дать новый стимул для размышлений историкам, интересующимся типами демографического поведения в аграрных сообществах. Таким образом, развивается процесс последовательного уточнения исследовательских вопросов историками и экономистами³.

Следует, впрочем, признать, что далеко не всегда исследовательские программы историков и экономистов так хорошо согласуются. Разумеется, имеются вопросы, представляющие больший интерес для одной дисциплины, чем для другой: например, для экономистов – кредитно-денежная политика, а для историков – различные аспекты идеологии (культурной или религиозной). Однако существует очень много исторических проблем, которые в той или иной форме представляют интерес и для экономистов, и

³ Подобный процесс описан в работе A. W. Carus and Sheilagh Ogilvie, "Turning Qualitative Evidence into Quantitative: A Well-Used Method Made Explicit", *Economic History Review* 62 (4), 2009, pp. 893-925.

для историков. Далее я попробую рассмотреть одну из них, близкую мне как исследователю: связь между становлением современного государства, крепостным правом и экономическим развитием.

В литературе по институциональной экономике формированию сильных централизованных государств традиционно уделяется большое внимание. И это вполне понятно, поскольку существование таких государств тесно связано с другими институциональными особенностями, способствующими экономическому росту - частной собственностью и правопорядком, которые отличали вырвавшихся вперед лидеров от традиционных государств с характерным для них господством «экспроприирующих» институтов (последние, впрочем, характерны и для значительной части современного мира)⁴.

«Сильное государство» в данном контексте – это государство, обеспечивающее соблюдение своих собственных законов, а также способное собирать налоги, не отдавая их на откуп каким-либо влиятельным общественным группам. И наоборот, слабое государство, как правило, находится под влиянием корпоративных интересов таких групп – у него нет достаточной политической силы и фискальной дееспособности (fiscal

⁴ Концепции инклюзивных и экстрактивных (экспроприирующих) институтов подробно обсуждаются, например, в книге Робинсона и Аджемоглу (в русском переводе - см. Робинсон, Джеймс А., и Дарон Аджемоглу. 2016. *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. Москва: АСТ.)

Инклюзивные институты основаны на праве любого индивидуума принимать решения, влияющие на его благосостояние. Им противопоставляются экстрактивные институты, которые предполагают, что решения, влияющие на благосостояние населения, принимаются элитой в собственных интересах. Различия между инклюзивными и экстрактивными институтами проявляются в трёх основных аспектах. Во-первых, в условиях инклюзивных институтов политическая система привлекает к управлению представителей всех слоёв общества, тогда как в условиях экстрактивных институтов она препятствует тем, кто не принадлежит к элитной группе. Во-вторых, система стимулов экстрактивных институтов поощряет действия в интересах элит, тогда как инклюзивные институты стимулируют усилия в интересах всего общества. Наконец, инклюзивные институты способствуют постоянному развитию технологий и через них, – устойчивому экономическому росту, - тогда как экстрактивные институты способствуют росту лишь в той мере, в какой оно не затрагивает интересы элиты и не приводит к её смене. В результате рост в условиях экстрактивных институтов возможен и может достигать значительных темпов, но не будет устойчивым в долгосрочном периоде – *Прим. перев.*

scaracity) для того, чтобы достигать своих целей без сотрудничества с этими группами, которые в итоге присваивают часть полномочий государства через различные привилегии и послабления.

Крепостное право – это очень хороший наблюдательный инструмент, сквозь оптику которого отчётливо различима эволюция различных государств в Европе.⁵ Сам этот институт может рассматриваться как послабление, сделанное государством в пользу влиятельных элитных групп. Пути установления крепостного права и его отмены несут в себе много интересной информации об эволюции государства и борьбе за ренту, которая характеризовала мир в домодерный период. Наиболее влиятельные общественные группы – правители, землевладельцы, купцы и даже богатые крестьяне – постоянно конкурировали между собой за излишки, формировавшиеся в обществе. Американский экономический историк Евсей Домар в свое время выдвинул гипотезу о происхождении крепостного права и рабства в разных странах в раннее Новое время. По его мнению, важным фактором возникновения системы прикрепления работников к земле (*unfree labour*) можно считать высокий показатель площади земли, приходящийся на одного работника⁶. Однако наряду с экономической в возникновении и

⁵ Обзор форм крепостной зависимости в Европе и отдельные положения, обсуждаемые ниже, можно найти в работе M. Cerman *Villagers and Lords in Eastern Europe, 1300-1800* (New York, NY, 2012). Критика активно используемых сегодня экономическими историками подходов к анализу крепостного права представлена в работе Шейлы Огилви Sheilagh Ogilvie and A. W. Carus, 'Institutions and Economic Growth in Historical Perspective' in *The Handbook of Economic Growth vol 2A*, (ed. S. Durlauf, P. Aghion), (Amsterdam, 2013), в особенности стр. 473-486.

⁶E. Domar, 'The causes of slavery or serfdom: a hypothesis', *Journal of Economic History* 30 (1), 1970, pp. 18-32.

Обсуждаемая Домаром связь между высоким уровнем площади пахотной земли, приходящейся на одного работника, и процессом закрепощения крестьян требует пояснения. Если государство вынуждено содержать большую армию с ядром хорошо подготовленных и вооружённых дворян, и не в состоянии её финансировать из собираемых налогов, оно наделяет дворян землёй в расчёте, что дворяне смогут себя содержать за счёт земельной ренты. Однако изобилие пахотной земли ограничивает возможности землевладельцев извлекать ренту – работнику выгоднее уйти на незанятый участок и обрабатывать его своими силами, чем работать на участке землевладельца за барщину или оброк. В этих условиях возможное решение со стороны государства – административно прикрепить крестьян к земле, усложнив или запретив уход от землевладельца. – прим. перев.

развитии крепостного права должна была присутствовать и политическая составляющая. Гипотеза Домара позволяет предположить, что несмотря на различия в институциональных условиях, общей особенностью всех европейских стран, где оно существовало, была именно борьба различных социальных групп за ренту.

Для экономиста отправной точкой в анализе этого сюжета является прибыль. В соответствии с таким взглядом, крепостное право выживало, пока оно приносило прибыль какой-либо группе или группам, и отменялось, когда переставало быть прибыльным. Однако в контексте так называемого «вторичного закрепощения», и в особенности российского крепостного права, ситуация выглядит гораздо более сложной. В Российской империи крепостное право вплоть до момента его отмены оставалось весьма прибыльным для очень значительной и влиятельной части элиты. Кроме того, крепостничество было здесь удивительно гибкой системой, которая, в отличие от других регионов Восточной и Центральной Европы, не сводилась к сфере сельскохозяйственного производства.

Почему же тогда крепостное право было отменено? Одна из гипотез, которая вытекает из эмпирических исследований материалов Западной Европы, связана с особенностями централизованного государства и его стремлением собирать больше налогов. В этом контексте следует обратить внимание на то, как крепостное право *исчезло* в средневековой Западной Европе в отличие от Восточной Европы раннего Нового времени с ее «вторичным» крепостным правом. На Западе этот процесс растянулся на несколько столетий, причем какого-либо формального «освобождения»

На основе идей В.О.Ключевского относительно причин возникновения крепостного права в России Евсей Домар в своей работе предлагает более формальную экономическую модель и использует её для объяснения процессов закрепощения крестьян в Польше и Литве, Западной Европе, а также экономической природы рабовладения в США. – прим. перев.

крестьян не было. Правители постепенно ослабляли привилегии элит, пока не стали в какой-то момент достаточно сильными, чтобы присваивать львиную долю ренты.

Это объяснение работает даже для Англии, где задолго до Великой чумы XIV в. государство начало ослаблять привилегии сельских феодалов, даровав крепостным крестьянам-арендаторам право решать споры, в том числе со своими землевладельцами-феодалами, в королевских судах. Эта альтернативная система обеспечения исполнения договоров, введённая государством, со временем разрушила монополию на правосудие в деревне, которая до того принадлежала феодалам. Позиции последних были в итоге ослаблены, и после Великой чумы у них не хватило политического веса, чтобы добиться от короны возвращения системы закрепощения работников⁷. В других странах Западной Европы процесс отмены крепостного права был ещё более медленным, причём элементы крепостничества сохранялись, скажем, в отдельных областях Франции и нынешней южной Германии, и в раннее Новое время. Но и здесь привилегии феодалов благодаря усилиями короны постепенно утрачивали свою силу⁸. В этих регионах «сильное государство» в большинстве случаев возникло в раннее Новое время и приобрело способность собирать налоги и применять на всей своей территории стандартные процедуры обеспечения правопорядка.

В Восточной Европе дела пошли по-другому. Вместо постепенного ослабления корпоративных привилегий в раннее Новое время, они здесь в

⁷ См., например, обсуждение и ссылки на литературу в работе T. Dennison, "The Institutional Context of Serfdom in England And Russia", in C. Briggs, P. Kitson, and S. Thompson (eds.), *Population, Welfare, and Economic Change in Britain, 1200-1834* (London, 2014), pp. 249-68; also in C. Briggs, "English Serfdom c. 1200-1350: toward an Institutional Analysis", in S. Cavaciocchi (ed.) *Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc XI-XVIII : atti della Quarantecinquesima settimana di studi [Serfdom and Slavery in the European economy from the 11th to the 18th century]* (Florence, 2014), pp. 13-32.

⁸ Некоторые примеры, относящиеся к Западной Европе раннего Нового времени соержатся в J. Hayhoe, *Enlightened Feudalism: Seigneurial Justice and Village Society in Eighteenth Century Northern Burgundy* (Rochester, NY, 2008); and G.P. Sreenivasan, *The Peasants of Ottobeuren 1487-1726* (Cambridge, 2004).

итоге усилились, что и привело к возникновению «вторичного закрепощения» - возобновлению монопольного права землевладельцев на крестьянскую ренту. В этих регионах - от Габсбургской империи и Пруссии в конце XVIII – начале XIX в. до России в 1861 г. - крепостное право было отменено рядом формальных законодательных актов. Это позволяет утверждать, что монархия в этих странах лишь *пыталась* усилить свои позиции по сравнению с другими центрами влияния. Однако только в одном случае отмена крепостного права принесла центральному правительству желаемый результат, а также то, что мы могли бы рассматривать как «инклюзивные» институты: в Пруссии. В других странах региона отмена крепостного права не была успешна в той мере, в какой на это рассчитывали её инициаторы. Монархия в этих государствах оставалась сравнительно более слабой в борьбе за ренту с другими группами влияния, а институты были ближе к «экспроприрующей» модели.

Но почему в некоторых европейских сообществах государство не смогло полностью взять под контроль другие группы влияния, не смогло добиться более высокого уровня собственной дееспособности (*state capacity*) в присвоении ренты для реализации своих военных амбиций или, например, для повышения качества общественных благ? Этот вопрос интересен и экономистам, и историкам. Поиск ответов на него и тем более построение каких-то общих моделей, которыми предпочитают оперировать экономисты, требует погружения в исторические особенности развития различных обществ. Здесь роль историков должна быть очень существенной, поскольку именно они понимают, как эти общества были устроены политически, социально и даже экономически.

Крепостное право часто представляется как система взаимоотношений преимущественно между землевладельцами-дворянами и

государством. Относительно слабое государство нуждалось в дворянах для выполнения определённых функций – например, местного управления, военной службы, обеспечения рекрутских наборов, сбора налогов – и в ответ вынуждено было уступать дворянству часть ренты, производимой крестьянами, и обеспечивать их закрепощение.

Понятно, почему при анализе крепостного права на первом плане часто оказываются взаимоотношения между короной и дворянством. Однако дворянство было не единственной социальной группой, с которой государство должно было договариваться. Переговорные позиции других групп существенно менялись в зависимости от сложившегося равновесия и распределения влияния между ними. В средневековой Европе одним из наиболее крупных землевладельцев и крепостников была церковь. Она напрямую соперничала с дворянством и государством в борьбе за ренту и поддерживала собственную монополию на отправление правосудия. Церковный суд действовал параллельно с поместным (манориальным)⁹. Однако несмотря на огромное влияние церкви, мы до сих пор знаем удивительно мало о развитии ее взаимоотношений с государством в контексте крепостного права и экономики, в особенности в средневековый период. Даже по отношению к России, где институциональная история церкви обладала существенной спецификой, у нас есть свидетельства её устойчивого влияния как политического и экономического субъекта¹⁰. Это хорошо видно на примере одного дела, связанного с прошением группы крепостных запретить торговлю некоего крестьянина поблизости от земель поместья, на котором они работали. Официальное расследование показало,

⁹ P. Schofield, *Peasant and Community in Medieval England 1200-1500* (Basingstoke, 2003), esp. pp. 186-212; on courts in medieval England, see also the discussion in C. Briggs and P. Schofield, "Understanding Edwardian Villagers Use of Law: Some Manor Court Litigation Evidence", *Reading Medieval Studies* XL (2014), pp. 117-39.

¹⁰ См. подробнее в Dennison, *The Institutional Framework of Russian Serfdom* (Cambridge, 2011).

что торговля ведётся с разрешения церкви и на земле, принадлежащей церкви. Когда дело было доложено владельцу поместья графу Шереметьеву – крупному и влиятельному помещику – он отказался вмешиваться, отметив, что “...от того [конфликта – Т.Д.] могут выйти неприятности как для вотчинного правления так и для самых крестьян”¹¹.

Из анализа крепостного права выпадает также городской сектор, если не считать рассмотрение его просто как рынка для сбыта зерна¹². В центральной Европе города имели свои привилегии – монополии и льготы, которые делали и горожан участниками конкурентной борьбы за ренту. Купцы, в особенности в северной и центральной Европе, были мощной группой, оказывавшей влияние на общий баланс сил и положение дел в деревне. Государство прибегало к услугам купечества, когда ему требовались займы, а в обмен усиливало его торговые привилегии. В некоторых регионах Европы купцы располагали правом влиять на производство и продажи в имениях, расположенных на пути в город. Так, в Прибалтике в период шведского правления крепостным поместий в радиусе десяти миль от города было запрещено продавать и хранить всё то, что могло быть продано в городе¹³.

Одним из наиболее ярких проявлений влияния городских привилегий была торговля зерном. Там, где купечество обладало большим влиянием, оно могло требовать увеличения установленных правительством максимальных

¹¹ РГАДА ф 1287 оп 3 д 1643 л 4 (1844г)

¹² За исключением, возможно, очень специфического контекста, как, например, в работе Т. Н. Aston, С.Н.Е. Philpin (eds.), *The Brenner Debate: Agrarian Class Structure and Economic Development in Pre-industrial Europe* (Cambridge, 1976, repr. 2010).

¹³ Seppel, Marten, “The Growth of the State and Its Consequences on the Structure of Serfdom in the Baltic Provinces, 1500-1750”, in S. Cavaciocchi (ed.) *Schiavitù e servaggio nell’economia europea. Secc XI-XVIII : atti della Quarantacinquesima settimana di studi [Serfdom and Slavery in the European economy from the 11th to the 18th century]* (Florence, 2014), pp. 291-308.

цен на зерно и ограничения торговли крестьян-посредников¹⁴. Это оказывало существенное влияние на экономику деревни, влияя на решения землевладельцев о распределении труда и земли, а также на решения самих крестьян об использовании своих ресурсов.

Идея, что у крепостных в этой системе также могла быть переговорная позиция, на фоне господствующего представления об их полном бесправии кажется экстравагантной. Однако крепостные, как и другие корпоративные группы (дворяне, корона, купцы) также не являлись однородной группой. Наиболее влиятельными из них были те, кто пользовался значительными наделами господской земли или капиталом, на который рассчитывали помещики. Скот, сельскохозяйственный инвентарь, труд – всё это обеспечивалось главным образом группой состоятельных крепостных, так же как поступление оброка и отбывание барщины, поскольку их объем определялся размером крестьянских наделов. Уже поэтому землевладельцы не могли игнорировать интересы этой группы. То же можно сказать и о короне, ведь такие крепостные были также и важными налогоплательщиками¹⁵. В России некоторые состоятельные крепостные также процветали, но огромным влиянием обладала и крестьянская община. Большая часть работы по сбору налогов, рекрутским наборам и организации труда как в помещичьей, так и в государственной деревне была возложена на общину, и в некоторых случаях это обеспечивало влиятельной в общине

¹⁴ An older literature details the conflicts that arose from such privileges, as in W. Naudé, *Deutsche städtische Getreidehandelspolitik vom 15-17 Jahrhundert mit besonderer Berücksichtigung Stettins and Hamburgs* (Leipzig, 1889).

¹⁵ W. Hagen, "Seventeenth-Century Crisis in Brandenburg: the Thirty Years War, the Destabilization of Serfdom, and the Rise of Absolutism", *The American Historical Review* 94(2), 1989, pp. 302-35; S. Ogilvie, "Serfdom and the Institutional System in early modern Germany", in S. Cavaciocchi (ed.) *Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc XI-XVIII : atti della Quarantacinquesima settimana di studi [Serfdom and Slavery in the European economy from the 11th to the 18th century]* (Florence, 2014), pp. 33-58.

группе крестьян весьма сильные переговорные позиции во взаимодействии с помещиками и другими крепостными¹⁶.

Все эти группы – корона, помещики, купцы, богатые крепостные – находились в состоянии постоянной борьбы друг с другом за распределение ренты. Корона уступала свои прерогативы различным корпоративным группам в обмен на то, в чём сама нуждалась – займы, военную службу, услуги местного управления, сбор налогов. В свою очередь, корпоративные группы полагались на выполнение государством достигнутых договорённостей, защиту своих привилегий, ограничение конкуренции со стороны других групп.

Доминирующее в любом обществе институциональное равновесие время от времени изменялось под воздействием той или иной группы. С другой стороны, сложившаяся институциональная конфигурация могла и ограничивать соперничество между группами. Там, где права собственности признавались и обеспечивались государством, как, например, в средневековой Англии, для помещиков существовали ограничения на формы эксплуатации. Корона могла столкнуть между собой помещиков и крепостных, предлагая решать их конфликты между собой в королевском суде. Крепостные в Пруссии также в определённой степени защищались законом. Их обязательства зависели от надела и договора аренды, и при возникновении споров крепостной мог обращаться через голову своего помещика к государству для разрешения конфликта и обеспечения защиты своих законных прав. В России у крепостных было куда меньше возможностей для защиты своих прав, поскольку помещикам была дана

¹⁶ Conflicts arising from this system of devolution are outlined in a number of works on Russian serfdom, including В А Александров, *Сельское общество в России XVII – начало XIX вв* (Москва 1976); Dennison, *Institutional Framework* (esp. chapters 4 and 9); E. Melton, "Household economies and communal conflicts on a Russian serf estate, 1800-1817", *Journal of Social History* 26 (1993), pp. 559-85; Л С Прокофьева, *Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в* (Ленинград 1981).

бóльшая свобода в их эксплуатации. Поэтому когда аграрное производство оказывалось менее доходным, они могли сокращать его и перемещать труд крепостных в другие отрасли производства: разрешать им заниматься промыслами или отпускать на сезонные работы в обмен на денежные выплаты.

Все виды изменений или кризисов – событий, которые экономисты называют «шоками» - таких, как война, уменьшение населения, или изменение условий внешней торговли – рассматривались каждой группой как шанс пересмотреть взаимоотношения с короной в свою пользу. Возросший спрос на зерновой экспорт, например, вёл к затяжному конфликту между купечеством (которое стремилось монополизировать торговлю), помещиками (которые увеличивало свои доходы путём роста производства и налогов), крестьянами (которых заставляли работать больше на барщине в ущерб собственному хозяйству), и короной (которая пыталась увеличить налоговые сборы).

Одним из таких «шоков» был и переход суверенитета над той или иной территорией от одного государства к другому. Когда Швеция овладела Прибалтикой, корона сняла ограничения мобильности крестьян собственно Швеции, усилив их для латышских и эстонских крестьян Балтийских провинций¹⁷. На местном уровне подобные события случались постоянно. Корона могла на некоторое время отменить привилегии определённой группы, и возобновить их, когда сотрудничество этой группы снова оказывалось необходимым. Государственные ограничения мобильности

¹⁷ M. Seppel, 'The Growth of the State and its Consequences on the Structure of Serfdom in the Baltic Provinces, 1550-1750' in S. Cavaciocchi (ed.) *Schiavitù e servaggio nell'economia europea. Secc XI-XVIII : atti della Quarantacinquesima settimana di studi [Serfdom and Slavery in the European economy from the 11th to the 18th century]* (Florence, 2014), p. 296.

крепостных также всегда были предметом переговоров и менялись во времени и в пространстве.

Эта постоянная борьба, с характерными для нее наступлениями и отступлениями, показывает, что нигде в Европе формирование централизованного государства не было предрешиено. Фактически, описанные здесь конфликты хорошо вписываются и в современный контекст экономики развития. И поныне многие государства остаются «слабыми» и потому вынуждены сотрудничать с различными могущественными группами влияния, уступая им значительную часть ресурсов и полномочий.

Сказанного выше позволяет сделать набросок проекта сотрудничества экономистов и историков, который содержит в себе много тем, представляющих интерес для обеих дисциплин. В их числе – «сильные» и «слабые» государства, экономика привилегий, внутренняя динамика социальных и политических групп, роль церкви как политического и экономического агента, налогообложение, частная собственность, конфликты и урегулирование споров, расслоение общества и неравенство. Эти темы легко вписать в контекст истории институтов и права, борьбы за ренту, политической или социальной истории. Конечно, этот набросок рождает больше вопросов, чем даёт ответов. Необходимо, в частности, предварительное уточнение используемых понятий. Что такое «государство» (корона)? Кто такие «помещики» и «крепостные»? Ответы на эти вопросы для разных обществ, очевидно, будут различными.

Историки обладают способностью раскрывать скрытые уровни и внутреннюю динамику обществ прошлого. Как правило, они не стремятся при этом построить общую модель развития. Их вопросы могут касаться политики войны, культуры при дворе или привычек потребления в определённых социальных слоях. Тем не менее, исследования, которые они

ведут в этих направлениях, формируют эмпирические знания, которые должны быть востребованы экономистами, в том числе и с тем, чтобы применять на их основе количественные методы. При этом часто оказывается, что историческое исследование дает экономистам не только данные, с которыми они любят работать, но и стимул для постановки новых вопросов и формулировки новых интерпретаций.

Здесь легко увидеть возможность для эффективного разделения труда. Мы можем продолжать жить в «двух культурах» и в то же время вести более содержательный диалог о соответствии наших исследовательских программ «большим вопросам». Нам, представителям обеих культур, следовало бы ориентироваться не только на аудиторию нашего «целевого журнала». Для историков это означало бы чаще рассматривать (и критиковать) общие теории политических, экономических или социальных изменений. Экономистам стоило бы чаще вспоминать об историческом контексте и помнить, что изучение исторических реалий – не обязательно количественный анализ. Хотя некоторые вопросы *требуют* количественного подтверждения, концептуальные категории в экономике – *a la* Адам Смит – могут оказаться очень удобными для историков, чтобы по-новому взглянуть на источники. Словом, вместо того, чтобы жаловаться на несовместимость «двух культур», нам всем стоило бы научиться извлекать пользу из их сосуществования.